

7-го Октября
1901 г.

РУССКИЙ ИНВАЛИДЪ

Воскресенье
№ 219.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ русскомъ изданіи журнала ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ, вместе
съ русскимъ РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ, для военно-служашихъ:
съ доставкой или пересылкою 13 рублей.

Газета РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ, съ доставкой или пересылкою:

На годъ.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Въ Россіи . . .	9	8 50	8	7 50	7	6 50	6	5	4	3 50	3 1 50
Въ ГРАНИЦЮ . .	15	14 —	13	12 —	11	10 —	9	8	7	6 —	4 8 —

Подписка безъ доставки не принимается.

Отдѣльные номера газеты продаются въ конторѣ редакціи по 5 коп.

ГАЗЕТА ВОЕННАЯ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО,

КРОМѢ ДНЕЙ, СЛѢДУЮЩИХЪ ЗА ПРАЗДНИКАМИ.

Годъ 88-й

ПОДПИСКА и ОБЪЯВЛЕНІЯ принимаются въ конторѣ редакціи: отъ 10 ч. у. до 5 ч. веч. С.-Петербургъ, Надеждинская, № 21. Телеф. 672.
ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ, по тарифу — 10 коп. за строку текста. За разсылку частныхъ объявленій взимается 1 коп. съ перваго листа и по 1/4 коп. съ остальныхъ листовъ экземпляра объявленія.

ЗА ПЕРЕМѢНУ АДРЕСА: извѣстнаго на извѣстный, каждый разъ по 20 коп. и сообщить прежній адресъ или прислать бланкетъ, извѣстнаго на извѣстный, и обратно, по срокамъ за 11 мѣс. — 1 р. 60 к., за 10 м.—1 р. 50 к., за 9 м.—1 р. 40 к., за 8 м.—1 р. 30 к., за 7 м.—1 р. 20 к., за 6 м.—1 р. 10 к., за 5 м.—1 р., за 4 м.—80 к., за 3 м.—70 к., за 2 м.—60 к., за 1 м.—50 к.

КАЗЕННЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ, на основаніи циркуляр. Глав. Штаб. 1867 г. № 40 и 1869 г. № 194, должны быть доставлены въ Главнѣйшій Штабъ, съ приложеніемъ за троскратное напечатаніе 3/4 и съ каждой буквой и цифрой

ПО АЗИИ.

(Продолженіе) (*).

II.

Москва.—Сибирскій поѣздъ.

Иркутскъ, 17-го сентября.

Чтобы ѣхать въ Азію сухимъ путемъ изъ Петербурга, необходимо проѣхать Москву. Въ Москву приѣжаешь утромъ, уѣжаешь изъ Москвы въ Сибирь вечеромъ. Цѣлый день остается на осмотръ достопримѣчательностей московскихъ, на осмотръ Москвы. Чѣмъ виднѣе улица по своему положенію, тѣмъ больше кидается въ глаза неряшливость ея обитателей. На Тверской, на Кузнецкомъ мосту, пыль покрываетъ карнизы вторыхъ и даже третьихъ этажей, дѣшится на вычурныхъ вывескахъ, лежатъ на зеркальных окнахъ большихъ магазиновъ. Улицы полны; по крайней мѣрѣ жидкая грязь покрываетъ ихъ, но пыль со вчерашняго дня, съ третьяго дня, можетъ быть съ самой зимы лежитъ неприкосновенная на карнизахъ и вывескахъ. Отъ этого и товары, расположенные въ магазинахъ, кажутся пыльными, старыми, подержанными. На тротуарахъ шелуха подсолнуховъ и толпа черныхъ картузовъ, которые не подвинутся, не посторонятся, но ломаютъ прямо навстрѣчу съ рѣшительнымъ «посадскимъ» видомъ.

Москва богата. Московскіе купцы воздвигаютъ на Арбатѣ, Лубянкѣ, Покровкѣ и иныхъ проспектахъ, дома причудливой архитектуры, смѣся мавританскаго и стила модернъ, украшенные раковинами, водорослями и чудными тропиками. Въ стекла этихъ домовъ, ярко освѣщенныхъ электричествомъ, видны роскошные пальмы и чудеса тропиковъ, а на карнизахъ та же пыль, въковая пыль. На Тверской, на Кузнецкомъ мосту, въ Петровскомъ паркѣ, этихъ островахъ Москвы, встрѣчаешь чудныхъ рысаковъ, великолѣпныя тройки. Но и тутъ видна безвкусица; то кучеръ пестро одѣтъ, то экипажъ грязенъ, то сѣдло въ картузахъ и притомъ выпивши. Нѣтъ гармоніи, нѣтъ вкуса...

Окраины Москвы лучше. Чище панели, меньше шелухи подсолнуховъ, меньше пыли. Маленькіе одноэтажные и двухъ-этажные домики привѣтливо смотрятъ изъ за зелени яблонь, липъ, жамблосты и рябины. Зелень еще не тронута жестиной, переулки и тупики пустыни, они уходятъ въ какую-то зеленую даль. Миромъ и тишиной вѣетъ отъ нихъ. У оконъ висятъ ставни, чистыя, вымытыя, незапыленныя.

(*) См. № 203 «Русск. Инв.».

ния. Здѣсь мало ѣздятъ, потому и мало пыли. Еще цѣлы кое-гдѣ «балконы, лѣвы на воротахъ», деревянные, окрашенные въ зеленую съ бѣлымъ краску полисадники. Здѣсь хорошо, легко дышется, здѣсь отдыхаешь отъ московской толпы. Но это не городъ. Это предмѣстье, дача, деревня, что хотите, но это не городъ.

Здѣсь, въ этой зеленой глуши, въ ясные сентябрьскіе дни въ саду земледѣльской школы была открыта третья всероссійская аукціонная выставка лошадей. Весьма понятно, что я пошелъ на нее. У меня еще въ памяти была выставка лошадей въ 1898 году въ Петербургѣ, когда Михайловскій манежъ наводнялся отборной петербургской публикой, когда гвардія, несмотря на лагерное время, любовалась мощью русскаго коневодства. Теперь я попалъ на конскую выставку въ Москвѣ. Правда, аукціонную, но вѣдь зато въ Москвѣ, сердцѣ Россіи, гдѣ понимаютъ, знаютъ и любятъ лошадей, гдѣ ее еще не вытѣснилъ автомобиль. Публики на выставкѣ было немного. Преобладаютъ купцы и разный элементъ, до конскаго дѣла никакого отношенія неимѣющій. Офицеры отсутствуютъ, кромѣ двухъ-трехъ петербургскаго гарнизона, да и тѣ, какъ и я, попали по недоразумѣнію. Довольно богаты были на выставкѣ отдѣлы рысистыхъ лошадей съ нарядными ставками завода Стаховича, красавцами рысаками Г. Г. Елисѣева и съ задорной любительской вороной тройкой А. Н. Долгова. Но для Москвы этого мало. Верховыхъ на московскую выставку со всей Россіи съѣхалось 21 лошади, да и тѣ могли-бы смѣло не приѣзжать. Часть верховыхъ была выдѣлена въ шоры. Почти всѣ верховыя лошади получили медали или похвальные отзывы, надо думать потому, что комитетъ призналъ необходимымъ раздать всѣ медали, которыя были положены. И опять въ верховомъ сортѣ оказалась наша диспансерская неустойчивость и непониманіе конскаго типа. Одни погнались за англійской кровью, за ростомъ и приготовили какихъ-то длинныхъ, костистыхъ животныхъ, съ верблюдьими головами, съ кривыми ногами и вялыми движеніями, другіе увлеклись арабами, третьи смѣшивали кровь, какъ попало, не разбирая, что выйдетъ. Изъ всей ставки подъ военное сѣдло годился-бы только «Фаденъ» кн. Щербатова, да и въ томъ едва было три вершка, а просили за него 800 рублей. Молодому офицеру на такой выставкѣ нечего выбрать, нечего купить, да и нечѣмъ увлечься. Тоска была

разлита кругомъ; въ самомъ воздухѣ было тоскливо, какъ было тоскливо и въ тихой толпѣ, смотрѣвшей на выводу... Многія лошади на выводу показывались даже плохо зачищенными—такова была небрежность по отношенію къ публикѣ.

Желтые погоны вѣтрѣнныхъ мною въ Москвѣ гренадеръ ярко горѣли на солнцѣ, мундиръ былъ свѣжъ и своимъ бодрымъ видомъ солдаты рѣзко выдѣлялись изъ толпы москвичей.

Позднимъ вечеромъ я шелъ на вокзалъ. Улицы были темны, газовые фонари ихъ мало освѣщали. Темная толпа ходила по узкимъ панелямъ, слышались подсолнухи, бранилась пьяными голосами. Пьяныхъ было весьма изобильно на всемъ длинномъ пути отъ Смоленскаго бульвара до курскаго вокзала.

Ѣхать въ Манчжурію изъ Москвы надо на Самару,—по московско-курской дорогѣ, потомъ на Златоустъ—по самаро-златоустовской дорогѣ, затѣмъ на Челябинскъ, на Иркутскъ, на Читу, а дальше можетъ быть изъ любезности повезутъ и по несовѣтѣ еще отдѣланной дорогѣ и на Хайларъ.

Два раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ, изъ Москвы ходитъ особый, дорогой, скорый, безпересадочный спеціальный сибирскій поѣздъ. Въ десять непозднихъ дней онъ доставляетъ пассажировъ до Иркутска. Попасть на него не легко. Въ Сибирь всегда ѣдетъ много пассажировъ. Поѣздъ обставленъ до пылкой степени комфортабельно, выигрываетъ двое сутокъ, а потому пассажиры ѣдущіе въ Сибирь стремятся попасть на него.

Года три тому назадъ въ Петербургъ привозили показывать диковинный «сибирскій» поѣздъ. Въ немъ были прекрасныя постели, мраморныя ванны, громадный салонъ-вагонъ, мягкая мебель, окно въ хвостѣ поѣзда, изъ котораго можно было обозрѣвать чудные сибирскіе виды, словомъ, не поѣздъ, а одно наслажденіе. Обыкновенно, когда напутствуютъ отъѣзжающаго въ Сибирь, ему говорятъ: «О, вы чудно поѣдете. Сибирскій поѣздъ—это по-сѣбѣе слово комфорта...» и путешественникъ мечтаетъ о чудныхъ салонахъ, мраморныхъ ваннахъ и прочихъ чудесахъ сибирскаго поѣзда.

Такой поѣздъ-чудо дѣйствительно есть. Это не грёза, не мечта, не фантазія путешественниковъ, а фактъ. Онъ называется «международнымъ», поѣздомъ, и онъ одинъ. А остальные три, циркулирующіе между Москвой и Иркутскомъ поѣзда—носятъ скромное названіе «казеннаго». И въ ка-

зенномъ поѣздѣ есть мягкія постели, есть салонъ, есть буфетъ, начальникъ казеннаго поѣзда тоже молодой человѣкъ, какъ и на международномъ, но далеко не такой предупредительный, прислуга грубовата и переутомлена, купе тѣсны, особой роскоши нѣтъ. Чѣмъ блещетъ сибирскій поѣздъ, такъ это своей библиотекой. Въ ней собраны почти всѣ лучшія сочиненія о Сибири, Китаѣ и дальнемъ востокѣ, въ ней всѣ наши классики—Гончаровъ, Тургеневъ, Толстые, Достоевскій, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Аксаковъ, до современныхъ—Чехова, Короленко и Горькаго включительно.

Сибирскій поѣздъ груженъ сибиряками. Это народъ простой, обходительный, вѣжливый, но молчаливый. Сибирь они любятъ, на «Россію» глядятъ съ холоднымъ равнодушіемъ. Жалѣютъ, что въ Сибири не такъ развита промышленность, какъ въ Россіи, что сѣдельные ленчики для забайкальскихъ казаковъ приходится выписывать изъ Москвы отъ Волка, переплачивая громадные деньги за перевозку, что въ Сибири не растутъ карачи, изъ котораго можно дѣлать луки, а растутъ только берега, изъ которой выходятъ хрупкіе, легко ломающіеся луки, что сибирское сукно можно пальцемъ проткнуть, но въ тоже время, какъ будто и не желаютъ, чтобы Россія надвинулась на Сибирь. Они любятъ своихъ малышей-лошадокъ, башкирокъ и бурятковъ, находятъ, что естественные аяры лошади—тропота и переваль и что галопомъ сибирскихъ лошадей нельзя учить ходить. Послушать ихъ, такъ пришлось-бы для нихъ особый уставъ писать; но въ тоже время они горды сознаніемъ, что они край Россіи, они храбры, хорошіе стрѣлки, не знающіе опасностей. Пока поѣздъ бѣжитъ мимо зеленыхъ пашень, красивыхъ селъ и рощъ Московской и Рязанской губерній, они кажутся немного велики, непропорціональны съ пейзажемъ своими широкими плечами, грузными фигурами, величавыми бородами по поясъ, но тамъ, у себя, они на мѣстѣ. Эти мѣстныя коренные сибиряки прямо великолѣпны. Кромѣ нихъ въ Сибирь есть еще наносный слой; это или неудачники, или акклиматизированные юноши, бредящіе охотничьими поисками, живящіе въ тайгѣ... и глубоко тоскующіе, тоскующіе до пьянства среди пустынь и дѣбрей холодной Сибири...

Въ вагонѣ ярко горитъ электричество. Мало несутся города и села мануфактурной пылью, русскій Манчестеръ, видны озаренныя блестящимъ свѣтомъ мастерскія фабрики, неширокія, но дѣ-

теплыми рѣкѣ, чистые, красивые городки. Горы ситца, миткаля и сукна несутся отсюда на востокъ, потребляются этими широкими, красивыми людьми, въ глазахъ которыхъ свѣтится искреннее добродушіе, доброта къ людямъ, доброта, готовая отдать жизнь за други своя.

Ночь становится темнѣе, поля глуше. Я забираюсь наверхъ и ложусь на мягкой желѣзнодорожной постели—низкомъ домѣ моемъ на десять дней...

III.

Европа—Азія.

Русь—это равнина. Ровныя поля, деревни, села, вѣтряныя мельницы вокругъ селъ, бѣлые храмы съ зелеными куполами, черныя дороги, перелѣски и поля безконечная ширь желтыхъ полей съ черными заплаты свѣжевыпавшихъ озимыхъ. Луговъ мало, горъ нѣтъ, рѣки медкія и сухія. Только овраги тутъ и тамъ прорѣзываютъ равнину, то крутыми, почти отвѣсными, желтыми песчаными берегами, то мягкими складками, покрытыми чуть желтѣющимъ дубнякомъ. И характеръ русскихъ ровный, чуть мечтательный, безъ выпышекъ, безъ насилія, и воинская дисциплина наша то же ровная, безпредѣльно терпѣливая, не изводящаяся, тихая и мирная, какъ эти равнины. Глядя на эти поля, мелькающія мимо оконъ, на эти ровныя села съ торчащими вверхъ журавлями колодезь, съ ивовыми рощами возлѣ выгоновъ, понимаешь силу терпѣнія Руси, ея слабые и сильныя стороны. Да, въ этой однообразной странѣ, гдѣ Тамбовская губернія незаметно сливается съ Пензенской, а Пензенская ничѣмъ не отличается отъ Самарской—люди одни, и вѣра ихъ одна, и помыслы ихъ одни. Эти люди—«земляки»;—земля, просто земля, черная, запашанная, или желтая подъ сжатыми полями, или изумрудная подъ озимыми, породила ихъ, только земля—не горы, не утесы, не море, даже не рѣки, а только земля. И какъ земля мощны они, и сила военная ихъ—не сила огня, не сила бѣшеннаго моря—но страшная и въ то же время кроткая сила земли. Цѣлыя сутки отъ Москвы до Сызрани—одна ровная желтая гладь, то съ черными, то изумрудно-зелеными четырехугольниками пахоты. Передъ Волгой начинаются холмы. Ночью звенитъ знаменитый сызранскій мостъ, громадные желѣзные полосы переплетаются тонкой паутиной, внизу далеко-далеко блестятъ отраженія огней въ темной водѣ—мы переходимъ Волгу.

Съ утра на западъ вышѣются неясныя очертанія высокаго обрывистыхъ холмовъ, они тянутся долго, то вздымаясь, то опускаясь—это виденъ правый берегъ Волги, знаменитые Жигули. Лѣвый ровень, топокъ, покрытъ густою травой. Внезапно за поворотомъ дороги появляется еще рѣка неширокая и мутная, надъ нею рядъ громадныхъ сѣрыхъ амбаровъ, за амбарами по склонамъ, некрутого холма раскинулся городъ. Бѣлые домики правильными улицами выстраиваются вверхъ, между ними такіе же бѣлые храмы, широкая улица бѣжитъ по холму, по ней стоятъ электрическіе фонари и виденъ высокій монументъ. Это Самара.

За Волгой поля тѣ же. Но ирровыя преобладаютъ надъ озимыми, горизонтъ изъ желтаго дѣлается чернымъ, а заплаты, напротивъ—желтыми и зелеными. Вскорѣ появляются холмы. Мягкими, спокойными очертаніями вырисовываются они на сѣверѣ, разбѣанные балками, поросшими мелкимъ дубнякомъ. Холмы отходятъ въ сторону, опять равнина, бревенчатая избушка, крытая соломой, мелькаютъ тутъ и тамъ, изъ балки выбѣгаетъ стадо бѣлыхъ, черныхъ и бурыхъ барашковъ и испуганное поѣздомъ несется въ балки. Много ширь. Много труда исполосовать, испахать эту ширь черными, ровными бороздами, засѣять и съ тревогой слѣдить потомъ за движеніемъ тучъ. Эта ровная ширь не давала ни образовъ, ни оригинальной веселой мелодіи пѣсенъ, ни богатой красками эпоса. Религію, архитектуру, краски, заимствовала она отъ сосѣдей, съ береговъ голубого моря, гдѣ есть и горы, и особая горамъ присущая игра свѣта и тѣней. Тѣ же, кому мало было чужого, кому тѣсны были безпредѣльныя поля—рвались на востокъ. Тамъ, на востокѣ, за татарскимъ городомъ Бугурусланомъ, вздымаются высокіе холмы. Это уже не края балокъ, не зигзаги, промытые водою, а настоящіе холмы, съ крутыми скатами буро-краснаго песка. По склонамъ построены маленькія, слѣпленные изъ глины и крытыя соломой хаты, и монгольскія лица чаще и чаще появляются на платформахъ. Ихъ домики разбросаны возлѣ склоновъ красныхъ холмовъ, на громадной площади, широкая улицы вдругъ разражаются цѣлыми кучками мелкихъ узкихъ переулковъ, дома и домики бѣгутъ къ рѣкѣ, дѣлятся по ея берегамъ, сидятъ возлѣ самой воды. Изъ ихъ неладной стаи вздымаются тонкія сѣрыя башни минаретовъ, косою серпою луны торчатъ вѣсто креста, мы не въ Азіи еще, но мы уже вышли изъ Россіи.

А холмы становятся выше. Они бѣгутъ на сѣверъ, сплетаются съ другими такими же холмами, образуютъ широкое предгорье и уходятъ на сѣверъ. Ихъ почти уже не видно. Но вотъ они снова веселой толпой, уже обросшіе пухомъ березъ и дубовъ, подбѣгаютъ къ желѣзнодорожному путю, идутъ рядомъ съ нимъ и снова уходятъ. Это предгорья Урала. Поѣздъ уже не обходитъ ихъ. По насыпямъ и выемкамъ онъ бѣжитъ на нахъ, карабкается вверхъ, углубляется въ Уральскія горы. Темнѣетъ. Вагонъ качается сильнѣе и сильнѣе, частые повороты, подъемы и спуски даютъ себя знать.

Мелкій дождь сыплется, какъ сѣвось сито; небо покрыто сѣрой ватой облаковъ. Горы выше и круче. Чѣмъ дальше углубляешься въ Уралъ, тѣмъ красивѣе его находишь. Съ южной стороны дороги, непрерывно изгибаешься, то сверкая пѣной въ быстринѣхъ, то темная у омута стремится рѣка Ай. Вѣсь берега ея желты отъ осенней листвы густого кустарника,—къ сѣверу идутъ крутые скаты горъ, поросшіе золотистыми березами. Надъ березовыми рощами вздымаются круглыя каменные сопки, сѣрыя и голыя. Сквозь золото березъ язычками мелькаютъ темныя елки, онѣ становятся чаще, мѣстами весь лѣсъ теменъ отъ нихъ и опять золотыя березки, желтые луга и шаловильный темный Ай. Горы уже высокія, круглыя, то отдаленными шапками поднимающіяся вверхъ, то бѣгущія округлыми цѣпями холмовъ.

Уралъ красивъ. Онъ не величественъ, не страшенъ, не дикъ и не угрюмъ, онъ только красивъ и изыщенъ. Несомнѣнно, что будутъ времена, когда по его лѣснымъ скатамъ выростутъ изысканныя виллы и красивыя дорожки опояжутъ круглыя сопки...

Ай разливается широкимъ озеромъ и въ озеро глядятся городъ Златоустъ. Бѣлый храмъ, какъ игрушка стоитъ въ долині между горъ, маленькіе домики, заводскія постройки бѣгутъ отъ него въ стороны. Желѣзный путь дѣлаетъ круглой зигзагъ по горѣ и подбѣгаетъ къ станціи. На платформѣ продаютъ чугуныя и желѣзныя издѣлія уральскихъ заводовъ. Нашъ Шеффилдъ, или Золингенъ, не блещетъ изысканными рисункомъ, но уже замѣтно и у насъ стремленіе работать по художественнымъ образцамъ.

Уральскія горы немало отбѣрили мѣста на востокъ. Кряжъ идетъ за кряжемъ, одинъ повыше, другой пониже, на одномъ преобладаетъ золотистая

береза, другой весь покрытъ темно-зеленой сосной—будто Финляндія, гдѣ набудь у новой Бирки или Перкіярви. Возлѣ станціи Уржумки справа виденъ невысокій мраморный столбъ. Это высшее мѣсто пути желѣзной дороги, это грань—здѣсь Европа—тамъ, куда мы переваливаемъ—Азія.

Но Азія нѣтъ. Есть Сибирь, есть Россія, а Азія—далеко къ югу, или еще дальше, къ востоку.

Здѣсь тѣ же зелено-желтые лѣса, тѣ же каменныя сѣрыя сопки, тѣ же скаты, хребты и долины, рѣдкіе заводы, деревушки, черныя дороги. Вправо вздымаются одинокая Александровская сопка, вышиною въ 3,500 футовъ, голая, сѣрая, будто съ наваленными на вершинѣ камнями.

Холодно и сыро кругомъ. Темныя тучи несутся низко, мѣстами онѣ заволакиваютъ вершины хребтовъ и лежатъ на деревьяхъ. Отъ этого сѣраго неба и красивый пейзажъ скучнѣе, тоскливѣе, непріятнѣе, чѣмъ онъ есть на дѣлѣ. Дайте солнцу этимъ спокойнымъ негордымъ вершинамъ, дайте синеву неба золотистымъ лѣсамъ и лугамъ, какія краски заблещутъ кругомъ, какъ призывать будутъ вершины сопку, манить узкія травянистыя долины и тѣнь высокаго березы!

Поѣздъ поѣздъ несется, какъ бѣшеный. Вагонъ качается и трясется, рельсы низжатъ и стонутъ. Горы уходятъ. Онѣ становятся ниже и ниже, уже и сосенъ нѣтъ—однѣ березы; еще верста, двѣ,—горы уже сплываютъ зубчатой полосой на сѣверѣ, остались холмы и между ними озера. Первое длинное и узкое синее озеро показало еще въ рамѣ лѣсистыхъ горъ, потомъ пошло совершенно круглое, а за горами широко раскинулось, словно морской заливъ обширное Ильменское озеро. Возлѣ большого села, бѣлая церковь, челнокъ и стень, поросшая березовымъ кустарникомъ. Контрастъ поразительный, ширь громадная, ширь и безлюдье. Деревья рѣдки, дорогъ не видно, запашанныхъ полей мало. Сибирь начинается...

Вечерѣетъ. Въ вагонахъ ярко горитъ электричество, салонъ полонъ. Больше купцы, толстые, полные купеческаго, особаго сибирскаго купеческаго, самолюбія. Но вотъ между ними появляется худое, загорблѣе, небритое молодое лицо, видно страдавшее недавно, болѣвшее долго, мучительно. Одна нога короче другой, рука неполно дѣйствуетъ. Стрѣлковая фуражка, погоны Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка... Герой недавней кровавой порубежной схватки...

Эта схватка оставила по себѣ и тяжелыя и свѣтлыя воспоминанія. Были и шумныя релянціи, были восторженныя похвалы собственной храбрости, но еще больше было маленькихъ, невидныхъ, незнаемыхъ героевъ и ихъ-то геройство такъ велико, что въ немъ тонетъ все худое, самохвальное и мншурное, что они скрадываютъ его, какъ дорогой атласъ и бархатъ скрадываютъ мѣдныя блестящія и канитель...

За стеклами вагона темная, холодная ночь. Я слышу нервный рассказъ не о своихъ подвигахъ, а о подвигахъ мадыхъ сяхъ и предо мною воскресаютъ событія прошлаго, 1900 года... 18-го октября небольшой отрядъ, подъ командою ротмистра Бальца, дрался съ китайцами у деревушки Тунь-фу-цзоу. Непріятель валомъ валитъ и надо было отступать.

— Стрѣляйте, стрѣляйте, — говорилъ начальникъ отряда, — надо немного задержать передъ отступленіемъ. Стрѣлки со своимъ офицеромъ заняли опушку деревни и, презирая опасность, стрѣляли. Многие тутъ были ранены, но уходить не хотѣли...

— Китайцы бѣжали длинными цѣпями, — говорить нервнымъ голосомъ стрѣлокъ, сидя въ углу салона, за маленькимъ столикомъ; я и забайкальскій бородачъ-казакъ молча слушаемъ его...

— Наши отступали. Еще у воротъ деревни кипѣла перестрѣлка, но ясно было, что намъ ее не удержать. Въ это время что-то ударило меня по ногѣ и я упалъ. Больно не было, хотя я и сознавалъ, что я раненъ. Стало какъ-то тихо. Даже пріятно было, что вотъ я кончилъ перестрѣлку съ китайцами, къ которой у меня душа не лежала, что тяжелый долгъ выполненъ и можно отдохнуть. Я все сдѣлалъ, что отъ меня требовалось, больше я уже для боя не нуженъ. Госпиталь манилъ, какъ отдыхъ, какъ оковчаніе тяжелого, ненужнаго дѣла. Сильная боль вскорѣ заставила меня потерять сознаніе и въ головѣ мелькнула странная мысль — я умираю. Въ то время она не поразила, не испугала меня. Однако, сознаніе, или, вѣрнѣе, полусознаніе скоро вернулось. Мимо меня по травѣ промурмали помы солдатскихъ шинелей.

Страхъ остаться одному вернулъ мнѣ силы. Я пробовалъ подняться, но не могъ. Нога была перебитая, рука, тоже прострѣленная, не дѣйствовала. Въ это время мимо меня проѣхали казаки Читинскаго полка и я остался одинъ. Казаки уже выѣхали за околицу, но вотъ остановились и повернули назадъ. Вотъ они подѣхали, остановились.

Я узналъ офицера. Это былъ Шиллингъ съ двумя казаками. Они слѣзли и, не обращая вниманія на трескотню ружей, на свистъ пуль, подняли меня и положили на лошадь Шиллинга, на шею, впереди передней луки. Боль въ ногѣ и перебитая рука мѣшали мнѣ держаться и я упалъ. Китайцы были близко. Шинели казаковъ были уже прострѣлены пулями въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Отъ боли я стоялъ, почти теряя сознаніе и все время слышалъ спокойный голосъ Шиллинга, который меня утѣшалъ. Восемь верстъ со мною скакали, семьдесятъ пять везли на телегахъ... Только черезъ двѣ недѣли я попалъ въ госпиталь, нога моя срослась, но стала на 1 1/2 вершка короче, рука дѣйствуетъ только наполовину. Долго ходить я не могу. А вѣдь бывало по 90 верстъ въ день хаживалъ... Я калѣка. Но я не герой, напрасно вы такъ говорите, я просто исполнилъ свой долгъ, по-солдатски исполнилъ. Вотъ Шиллингъ съ казаками я считаю героемъ. Уйти изъ опаснаго мѣста и потомъ снова вернуться, всего втроемъ, чтобы на глазахъ у многихъ китайцевъ заботиться о раненомъ офицерѣ — это я считаю большимъ мужествомъ.

— Ну, да, конечно, задумчиво говорить забайкалецъ... Однако, не спросить-ли намъ еще чаю?

Я и раненый изъясняюсь согласіе. Лакей подаетъ чай, всѣ мы молчимъ. Наконецъ, забайкалецъ прерываетъ молчаніе и тихо говоритъ.

— Мнѣ не привелъ Богъ повоевать съ китайцемъ, и я право не знаю, храбрѣ-ли я въ самомъ дѣлѣ, однако, отъ нашей амурской природы не разъ мнѣ пришлось потерпѣть.

Сказалъ и будто сконфузился — замолчалъ.

— Вы вѣдь испытали тайфунъ въ 1896 году? — спросилъ его стрѣлокъ.

— Эге, — было равнодушнымъ отвѣтомъ, послѣ котораго стаканъ опустѣлъ наполовину.

— Расскажите, какъ это было? — спросилъ я.

— Интереснаго мало... — и вторая половина стакана исчезла между черными усами и черной бородой собесѣдника.

— Однако, пожалуй, чтобы скоротать время я расскажу.

Мы потребовали еще порцію чая и казакъ медленно и тихо началъ свой рассказъ...

П. Красновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).